

ФОТО: АРР

Письма Владимира Высоцкого и Марины Влади — в Москве и на замке

Директор РГАЛИ Татьяна Горяева:

Известия - 2005 - 11 фев - с. 22.

«Признаюсь, я не ожидала увидеть ТАКУЮ Влади»

Знаменитая французская актриса Марина Влади — Марина Владимировна Полякова, дочь русских эмигрантов, передала Российскому государственному архиву литературы и искусства свой архив: многолетнюю переписку с мужем Владимиром Высоцким. Им пришлось подолгу жить вдаль друг от друга. Она — во Франции, Италии, где снималась в фильмах прославленных режиссеров, он — в Москве или на гастролях. Директор РГАЛИ Татьяна Горяева, узнав о решении Влади, полетела в Париж, не представляя себе ясно, с чем встретится в доме Марины, что привезет оттуда. По возвращении она поделилась своими впечатлениями с корреспондентом «Известий» Элой Максимовой.

ТАТЬЯНА ГОРЯЕВА: Я отправилась во Францию на разведку еще год назад, но позвонить Влади не осмелилась. Она недавно похоронила мужа, с которым прожила больше

двадцати лет. Это уже после Высоцкого. У меня были намечены и другие адреса. Париж — столица первой русской эмиграции. В семьях до сих пор хранятся бесценные свидетельства, реликвии нашей истории. Надо торопиться, пока они еще не попали на блошинные рынки, не ушли в руки коллекционеров. По-моему, возник водораздел. Внуки — одно, правнуки — другое. Третье поколение, хотя и родившееся за границей, — с русским языком, носители традиций, культуры, уклада, памяти. С почти религиозным отношением к России, обетованной земле, часто — той, которой в действительности не было. Они — еще русские, пытавшиеся не размывать свою фамильную русскость. Тщетно, однако. Домашние архивы не составляют для правнуков ценности, кроме той, что измеряется в евро.

ИЗВЕСТИЯ: Откуда вы узнали о решении Влади?
ГОРЯЕВА: Спасибо дочери актера Всеволода Абдулова, он был другом Высоцкого, Юлия и Марина остались подругами.

ИЗВЕСТИЯ: Но в вашем архиве уже был, есть фонд Высоцкого.

ГОРЯЕВА: Тоже ее дар, давний. Творческое наследие Высоцкого, рукописи, которые открывают работу над текстами, которые порой обманчиво казались лишь плодом внезапного озарения. Высоцкий был не только бардом, исполнявшим, положенные на музыку, но и большим поэтом, при жизни не оцененным. Он так гордился надписью на книге Бродского, подаренной ему автором: поэт — поэту.

Влади сразу же забрала все записи, тетради, бумаги из их московской квартиры и тем, думаю, спасла. У нас в архиве помнят, как слезами и цветами встречали Марину с чемоданом рукописей.

ИЗВЕСТИЯ: А как она встретила вас в своем доме в Мэзон-Лаффит?

ГОРЯЕВА: Здесь слезы тоже были. У Марины до того состоялся с Юлей предварительный разговор. Договорились так: если «этот человек», то есть я, вызывает у Юли доверие, тогда пусть приезжает. Признаюсь, не ожидала увидеть ТАКУЮ Марину. Знаменитая, звезда, а лицо ничем не «приправлено», божественно сложена, осанка юношеская. Поразила меня искренностью, быстрыми переливами настроения. Славянская натура — переменчивая, безоглядная, широкая. Талантлива во всем. Издала несколько книг, к сожалению, на русский не переведены. Живет одна, сыновья отделились и отдалились. Сестры лежат на русском кладбище в Женевье-де-Буа.

ИЗВЕСТИЯ: Письма были приготовлены?

ГОРЯЕВА: В гостиной на столе стоял кованный сундучок. Едва она прикоснулась к крышке, открыла, как ее просто заколотило. Потом мы перенесли из кабинета еще два, выгребли на тот же стол новые пакеты, в которых все было разложено по годам — его письма, ее, телеграммы.

ИЗВЕСТИЯ: Фотографии?

ГОРЯЕВА: Не одна сотня! Очень живые, непосредственные, сама снимала. Они вдвоем, с родными и знакомыми, с ее красавица-мальчишками и — Володя, Володя... Она комментировала: Америка, Мексика, Венеция, Лейпциг, на «Грузии» в свадебном путешествии. Горько улыбнувшись, показала снимок своего подмосковного дачного домика в Пахре: «Только-только выстроили, прожить-то в нем успели несколько дней. А после Володи... бульдозером снесли». Похвастала прелестной собственной фотогра-

фией: «Как выгляжу? Ничего? Между прочим, это когда уже троих родила».

ИЗВЕСТИЯ: Кого вспоминала?

ГОРЯЕВА: Очень сердечно — круг друзей, круг общения и необъятный — слушателей, зрителей, тех, кто нуждался в Высоцком, в его таланте и гражданском мужестве. С ужасом — власть: «Как они нас ненавидели, сколько мы вытерпели!» Не простила гибели Володи.

ИЗВЕСТИЯ: Считает власть виновной?

ГОРЯЕВА: Как считать! Ненависть тоже убивает: измывательство с визами, допросы в ОВИРе — зачем вы туда ездите? А отказ в поездке на похороны любимой сестры Марины! Добавьте цензуру, сорванные концерты, страхи. Сказал же однажды Высоцкий: «Без свободы я умираю». Я так разволновалась от всего увиденного, что задала Марине достаточно нелепый вопрос: «И это нам?» Она залихватски, от плеча махнула рукой: о чем, мол, речь! Отдала все-все, без счета.

ИЗВЕСТИЯ: Объяснила, почему отдает письма?

ГОРЯЕВА: Очень лаконично: «Для детей моих это — чужое, я — не вечна. Значит, должны быть там, где их поймут и сэберут». Но при расставании стало невыносимо тяжело.

ИЗВЕСТИЯ: Может быть, ей послужит утешением признательность, которую вызвал в Москве этот высокий поступок.

ГОРЯЕВА: Возникла и техническая проблема — как переправить огромную сумку, мы в нее утрамбовали содержимое всех трех сундучков. Марина пообещала снарядить в Россию сына, я ждать не хотела и взялась увезти сама. Она согласилась не без опасений. Да и я прекрасно понимала, что сдавать сумку в багаж ни в коем случае нельзя, везла с собой как ручную кладь. Ехала в аэропорт — дрожала, летела — дрожала. Тут еще погода перед отлетом разбушевалась, налетел ураган, наш самолет поднялся в воздух последним. Ночью по телефону успокаивала Марину: сумка — вот она, стоит у меня в спальне, рядом с кроватью.

ИЗВЕСТИЯ: С фондом кто-то уже работает?

ГОРЯЕВА: Первичной обработкой занята руководитель Центра комплектования Лариса Бабаева — даты, адреса, от кого, кому. Кроме нее, никто еще не читал писем. Потом они уйдут в отдел научного описания, там выверят хронологию, имена, сделают ссылки, комментарий. И напишут на описи и экране компьютера: «Фонд закрыт». Марина поставила условие: при ее жизни он открыт не будет. А ведь архив — хранилище и исполнитель лежала наследника. Вы-то знаете: полвека пролежала у нас без движения переписка Пастернака с Цветаевой, вапша газета первой получила письма для публикации.

